

№ 10
ОКТАБРЬ
1966

МУРЗИЛКА

ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ
ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМ. В. И. ЛЕНИНА ДЛЯ ОКТЯБРЯ

В ОКТЯБРЕ

Пролетело лето. На дворе осень. Всё короче дни. В этом месяце каждый новый день меньше прошедшего почти на пять минут.

Но октябрь всё равно хорош! Красивы жёлтые осенние леса, красива зелёная озимь в полях.

А чем ещё хорош этот месяц?

Первоклассники уже не робеют в школе. У них теперь много новых друзей. Впереди их ждёт большая радость — скоро станут они октябрятами.

Октябрята носят значки — красную звёздочку, в середине которой портрет Ленина. Ленин изображён и на значке комсомольцев. Только у комсомольцев значок не звёздочка, а красный флажок. Все люди — взрослые, маленькие ребята — любят Владимира Ильича Ленина и следуют его заветам.

В конце месяца, 29-го числа, будет хороший праздник — день рождения комсомола. Октябрята поздравят с праздником своих старших братьев и сестёр. Много комсомольцев работают сейчас на далёких стройках, плавают в океане на кораблях, охраняют границы Родины. Им октябрята напишут праздничные письма.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ВКСМ

**ПРИЁМ
В ОКТЯБРЯТА**

ГДЕ ЖИВЁТ КОМСОМОЛ

ПОСВЯЩАЕТСЯ СТУДЕНТАМ СТРОИТЕЛЬНЫХ ОТРЯДОВ

Юрий КОРНЕЦ

Рис. Э. БУЛАТОВА,
О. ВАСИЛЬЕВА

I

Видишь — домик стоит на пригорке,
Приоткрыв полотняные створки.

Он краями зарылся в песок.
Он, как в сказке, совсем невысок.

В рюкзаке он в пустыню пришёл —
В этом доме живёт Комсомол!

И сюда посмотри поскорей:
Вновь брезентовый дом без дверей.

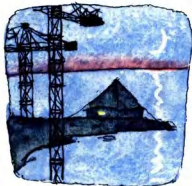
Бродят звери вокруг... Почему
В дикой чаще не страшно ему?

Он в тайгу по путёвке пришёл —
В этом доме живёт Комсомол!

А теперь посмотри вот сюда:
К горизонту уходит вода.

Над водой под строительным краном
Свет горит в теремке полотняном.

Смело влез он на каменный мол —
В этом доме живёт Комсомол!

Эти домики не из сказки —
Подрастай и любой выбирай,
И неси его сам без опаски
На передний строительный край.

Получай комсомольскую книжку —
Ту, в которой горят ордена,—
Ведь любого — девочку, мальчишку —
В край отважных уводит она:

Приведёт она
В край таёжный —
Строить путь железнодорожный.

Приведёт она
В край болотный —
В трубопровод поймать газ бесплотный.

Приведёт она
В край ледовый —
Чтобы выстроить город новый.

Будет в Арктике стадо тюленей
Кувркаться от удивленья.

Затанцуют на льдинах медведи —
Это что ещё там за соседи?

А кунца — таёжный зверёк —
Важно сделает под козырёк,

Потому что такое вторжение
Вызывает у всех уважение!

Комсомольцы ребята простые,
Ну, а руки у них золотые!

Всякий труд по плечу Комсомолу...
Вот он строит колхозную школу.

Комсомол дал колхозникам слово:
— Будет к осени школа готова!

А потом мы построим вам клуб,
Будет клуб этот каждому люб!

Стало весело в тихом селении —
Прибавление в населении!

Громко квохчет смущённая курица:
Ей понравилась новая улица,
Необычная, полотняная...

Ах, сама эта курица странная:
На рассвете в палатку вошла
И яйцо комсомольцам снесла!

Обсудили тот случай ребята
И, чтоб курице было приятно,
ФЭДом щёлкнули курицу эту —
Поместили портрет в стенгазету.

Пышно улица флаги развесила.
Хорошо там на улице, весело!

Прибежала на улицу девочка.
Комсомольцы ей: — Что тебе, Верочка? —
А она им — лоскут и иголку:
Просит платьице сшить комсомолку.

Вслед за нею пришёл мальчик Юрочка:
Поломалась у Юрочки удочка.

Притащилась и бабушка Фёкла —
Мол, совсем заросла моя свёкла,
Прополоть её надо бы, мол,
Помоги, дорогой Комсомол!

А у деда болит поясница —
К Комсомолу идёт он лечиться...

Солнце вечером клонится долу.
Комсомольцы включают «Спидолу»
И танцуют всю ночь до утра
Под дуною при свете костра.

ПОЧЕМУ НЕ ЛЮБИЛИ ВОРОБЬЯ

М. РОДИОНОВ

Рис. Е. АФАНАСЬЕВОЙ

Утром Бор вышел на улицу, улёгся под платаном, положил морду на лапы и зажмурил глаза.

Сквозь листья пробивались лучи солнца, пригревали спину собаки.

Прилетели воробьи. Один, с коричневато-жёлтыми крыльями, озорно прыгал и выкрикивал: «Чик-чирик-чик-чик!»

Бор лениво слушал воробья, переводил с воробьиного языка на собачий.

— Я тебя не боюсь,— хвастался воробей,— ты большой и зубастый, а я всё равно тебя не боюсь. Вот совсем не боюсь! Хочешь, на нос сяду?

— Не смей дразнить собаку! — чиркнул воробей постарше. — Собака не кошка...

Бору надоели воробьиные разговоры, он встал и потянулся.

Воробьёв как ветром сдуло.

«Оба вы трусы!» — подумал Бор и направился в дом.

Воробей, что постарше, улетел в соседний двор, а молодой уселся на карнизе.

Прилетела сорока. Села на сосну, стала новости рассказывать.

— Болтуня ты, и хвост у тебя непослушный и длинный,— зачирикал воробей.

Сорока хлопнула крыльями, улетела в парк. Обиделась.

Пришла Машенька с куклой, на скамейку села.

— Кукла твоя глупая, даже очень глупая...— зачирикал на карнизе воробей.

— Помолчи! — попросила Машенька. — Не мешай Ляльке спать.

— А кукла твои глаза не умеет закрывать...— не унимался воробей.

— Какой ты несносный! — рассердилась Машенька. — Я тебе задам! — и рукой взмахнула.

Перетрусил воробей, забился в щель, даже чирикать перестал. Сидит в темноте — высунуться боится. Загрустил, призадумался: «Отчего меня никто не любит?..»

САМОЕ

человечек

СЛОВО

Пьер ГАМАРРА

Я хочу рассказать историю, которая произошла совсем недавно в одной школе. Случилось это в классе вечером, когда уроки уже были закончены. Ребята разошлись по домам, учитель проверил тетрадки, убрал классный журнал, закрыл книжный шкаф и тоже ушёл.

В классе наступила тишина. Тихо, ни единого звука. Даже не верится, что в школе возможна такая тишина. И вдруг что-то скрипнуло, потом зашуршало, потом опять скрипнуло в книжном шкафу. Это переплёты книг с шумом раскрывались, страницы шелестели, слышались выкрики, возгласы... А потом в замочной скважине показался маленький человечек. Он высунул голову, осмотрелся и, оглянувшись назад, что-то проговорил. Затем начал быстро спускаться по дверце на пол. За ним в замочной скважине показались второй, третий, десятый, двадцатый человечек, и все они спускались на пол.

«Кто они, эти человечки? — подумала старая чернильница, которая стояла на учительском столе. — В них есть что-то очень знакомое, мне ка-

Рис. В. ЧИЖИКОВА

жется, я их где-то видала». И тут старая чернильница узнала человечков. Ведь это слова. Все её чернила тратятся на их написание. И ещё их пишут

карандашом, мелом на доске и печатают в книжках.

А слова-человечки всё вылезали и вылезали из замочной скважины, многие из них подошли уже к ножкам стола и начали карабкаться на стол. И скоро стол учителя уподобился площади, на которой собралось великое множество народу. Слова, которым не хватило места на столе, стали на полу вокруг. Все они волновались, шумели, спорили, говорили разом — ничего нельзя было разобрать в этом гуле.

Чернильница молча ожидала, что будет дальше...

Прозвучал громкий голос:

— Тихо! Тихо! Прошу всех замолчать!

Это слово НАКАЗАНИЕ возвысило свой голос. Суровое слово, оно предпочитает всегда держаться в тени, но зорко наблюдает за неосторожными. Чтобы лучше видеть, оно носит большие очки в железной опра-

ве и записную книжку, где всё взято на заметку.

— Помолчите, — сказала НАКАЗАНИЕ, — иначе услышит уборщица, и тогда вам несдобровать!

— Неправда, уборщица нам ничего не сделает, она славная женщина, — возразило слово БРАТ. — Ведь мы собрались здесь для того, чтобы выбрать председателя. Давайте сразу приступим к делу и выберем самое умное, самое доброе и справедливое слово.

— Да, да, — зашумела толпа, — выберём самое достойное слово! Такое, которое от имени всех нас будем посылать к учителю, когда ребята будут нас слишком коверкать и обижать грубыми ошибками.

— Ах да, — пискнуло слово МЫШЬ, — меня, например, так часто пишут без мягкого знака!

— А меня, наоборот, иногда пишут с мягким знаком, хотя я при этом тряусь от негодования и выставляю колючки, — проурчало слово ЁЖ.

— Друзья, не будем вспоминать былые грехи. Вы должны понять, что дети ещё малы, они не могут запомнить всё сразу. Я, разумеется, не говорю о лентяях...

— Уважаемое слово ДОБРОТА,

позвольте перебить вас, — пробило слово ЧАСЫ, — мы слишком отвлеклись, а время не ждёт! Приступим к выборам! Внимание, кто хочет быть председателем?

— Только не я, только не я, — смутилось слово РОБОСТЬ, — от любого взгляда я краснею, как вишня.

— Я!!! — закричало слово ЖЕЛЕЗО и так стукнуло кулаком, что стол учителя и все слова задрожали. — Я хочу быть председателем! Все убедились, какой у меня крепкий кулак? Кто голосует за меня?

— Э-э, нет, постой, мало иметь крепкий кулак, нужно всеобщее признание, нужна всеобщая любовь, — сказала слово ЗОЛОТО. — Посмотрите на мои волосы, посмотрите на моё одеяние, я горю и сверкаю, и меня любят все. Я — самое любимое слово.

— А я утверждаю, что это не так, это неправда: не все любят золото, и не в богатстве счастье, — решительно возразило слово СЕРДЦЕ. — Самое любимое слово — слово МАТЬ! Кто может мне возразить? Никто! Мы должны избрать нашим председателем слово МАТЬ!

Но тут протолкалось слово СУП, рот его был забит едой, и оно пробормотало довольно невнятно:

— А что вы скажете о слове ХЛЕБ? Его тоже все любят. Нет человека, который захотел бы остаться без хлеба.

— Можно мне сказать? — прозвучал мощный голос, и все расступились перед огромным словом, круглым, как шар.

— Друзья, — сказала слово ЗЕМЛЯ, — я предлагаю избрать слово ДРУЖБА.

Слова задумались, загудели, зашпорили. Разве легко выбрать председателя!

И вдруг слово МАТЬ протянуло ко всем свои ласковые руки.

— Послушайте меня, слова, я знаю, кого мы должны избрать председателем. Это очень нужное, самое нужное всем слово. Правда, оно очень короткое, но оно вмещает в себе все-все слова: и слово ЛЮБОВЬ, и слово ХЛЕБ, и слово ДОМ, и слово МАТЬ, и слово ДРУЖБА.

— Мы знаем, мы знаем это слово! — кричали слова. — Это слово

МИР! Мы выбираем его! Да здравствует МИР!

Нашлись и такие слова, которым не по душе пришёлся председатель. ЗЛОБА, ВОИНА, ЖАДНОСТЬ — их было совсем немного, жалкая горсточка. Они отошли в тёмный угол, сжались в кучку и боялись пошевелиться перед всеобщим ликованием.

Председатель всех слов — слово МИР выступило вперёд и громко сказало:

— Благодарю вас, братья-слова! Я оправдаю ваше доверие!

— А теперь нам пора возвращаться, — сказала, потирая руки, слово РАБОТА, — все по местам, недалёк новый день, новый урок, и мы должны быть к нему готовы.

И побежали слова-человечки к книжному шкафу, вскарабкались по его дверце и одно за другим стали исчезать в замочной скважине.

Осталась на учительском столе только чернильница, которая всё видела и слышала.

*Перевела с французского
И. БАРАНОВА*

СОЛНЫШКО

Латышские народные песенки

Перевели А. ПРОКОФЬЕВ, А. ЧЕПУРОВ
Рис. Д. РОЖКАЛНА

В золотую лодочку
Солнце спать спускалось.
Но однажды где-то
Долго задержалось.

— Что ж так поздно,
солнышко,
Ты пришло домой?
— Пастушка я согрело
За горой крутой.

— Много деток у тебя,
Трясогузка-умница?

— Двое спать легли,
Двое в поле пошли,
Шесть в лес по дрова:
Двое там, двое тут,
Двое сзади бегут.

— Где ребят своих растишь,
Трясогузка-умница?

— Под мостом, у воды,
Чтоб подальше от беды.

Не на горе,
Не в зелёной долине —
Выросла ивушка
У реченьки синей.
Сама воду черпала,
Себя поливала,
Себя поливала —
Кудрявой стала.
А кудрявой стала —
Лист зеленее,
Лист зеленее —
И цветы белее,
А цветы белее —
На земле светлее.

«Трах-бах, тра-ля-ля!»
Отчего дрожит земля?
То комар-комарище
С дуба на землю упал.

То комар-комарище
С дуба на землю упал.
Повалялся, покатылся
Так, что лес задрожал!

Плачут ивушки, осинки:
Осень листья рвёт с ветвей.
У сосёнки ни слезинки —
Платые зелёны на ней!
Хоть зима, хоть весна —
Вся в зелёном сосна!

и упал на полярный островок. Оттуда выскочил русак. Как шар, покати́лся он по полю. Ястреб догнал русака — ещё миг, и казалось, что зайцу несдобровать. Ястреб кинулся на зайца. Русак быстро повернулся на спину и ударил ястреба задними лапами.

Ястреб метнулся в сторону, а заяц пустился уди́рать. Но хищник опять настиг косо́го, и только огромный скачок в сторону спас зайца от верной гибели.

Затаив дыхание я наблюдал за поединком, не зная, что придумает косой при следующем нападении ястреба.

И тут заяц неожиданно покати́лся прямо на меня. Подбежав почти вплотную, он присел. Ястреб взмыл ввысь. Он не решился напасть на зайца.

Я пошёл по дороге.

Вслед за мной заковылял и заяц.

Я остановился.

Остановился и заяц.

Так и шли мы с длинноухим попутчиком до опушки, сопровождаемые ястребом. Но как только до леса осталось шагов двадцать, заяц пустился наутёк.

Жалобно покрикивая, ястреб стал подниматься кругами всё выше и выше в небо.

ХИТРЫЙ ЗАЯЦ

Н. НИКОЛЬСКИЙ

Рис. В. ГАЛЬДЯЕВА

Это было в сентябре. Я шёл по старой лесной дороге, заросшей травой.

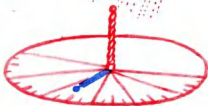
Дорога вывела меня в поле. Над полем кружилось несколько ястребов. Я стал наблюдать за одним ястребом, парившим над сухим островком по́лыни. Вдруг ястреб сложил крылья

Часы

Рис. Э. БЕНЬЯМИНСОНА,
Б. КЫШТЫМОВА

Часы... Как много значат они в нашей жизни! А ведь когда-то часов у человека вовсе не было. Древние люди просыпались, когда восходило солнце, их будили на рассвете голоса птиц... Прошли века, пока человек заметил, что можно узнавать время по длине тени. Утром тень длинная, потом, к полудню, укорачивается, а в пол-

день становится совсем короткой. Но такие солнечные часы действовали только в ясную погоду. Тогда изобрели песочные часы — песок за определённое время пересыпается из верхнего сосуда в нижний. Иногда песок заменяли водой. Вот откуда выражение: «Много воды утекло!» А свеча — это тоже своего рода часы, хотя и неточные: свечу делили на части и отмеряли время по тому, сколько частей свечи выгорело, а сколько осталось.

Гениальное изобретение человека — колесо было использовано в механических часах. В прежние века часы

были предметом роскоши. В крупном европейском городе, и то не в каждом, были всего одни башенные часы. По ним-то все горожане и узнавали время. Прошли ещё сотни лет, и теперь часы — башенные, стенные, наручные, карманные — стали такими привычными нашими спутниками, что остановись они вдруг — и непонятно, как бы мы стали жить, учиться, ходить на работу, встречаться с друзьями. Точные часы необходимы кос-

монаху и мореплавателю, учёному и рабочему. Наши советские заводы производят самые разнообразные часы — в том числе и такие, как на рисунке, — часы-календарь, они показывают в крошечном окошечке числа месяца. Бывают часы, в которых пружину заменяет крошечная электрическая батарейка, эти часы не надо заводить. А есть часы, издающие сигнал комариной тревоги. Они не только вре-

мя показывают, но и комаров отпугивают.

Знаменитые кремлёвские часы были построены очень давно. Много раз усовершенствовались, реставрировались кремлёвские куранты, пока стали такими, какими теперь их знает весь мир. Чутко прислушивается человечество, пролетарии всего земного шара к бою этих часов на Красной площади Москвы,

НАРОДНЫЙ ГЕРОЙ

СТЕПАН РАЗИН

Рис. В. ЛОСИННА

Через шестьдесят лет после восстания Ивана Болотникова крепостные крестьяне снова поднялись на борьбу против бояр и помещиков. Началась вторая крестьянская война в России. Предводителем её стал Степан Разин, донской казак. Его отряды на больших лодках — стругах — ходили по Дону и Волге, захватывали города, расправлялись с царскими воеводами и устанавливали народную власть.

На рисунке Степан Разин на струге со своими верными людьми плывёт по Волге. Здесь же захваченные воеводы, купцы, бояре. Их участь ещё не решена, их ждёт суд народа.

Бедный, обездоленный люд тянулся к Степану Разину, отряд его всё время пополнялся и вырос в десяти тысячное войско. С таким войском он решил идти на Москву, но под Симбирском их встретила царская армия. Начался бой. Повстанцы в этом бою были разбиты. Уцелел небольшой отряд, который вернулся на Дон и увёз тяжело раненого Степана.

Богатые казаки выдали народного героя. По указу царя Разина заковали в цепи и привезли в Москву. Казнили его на Красной площади на Лобном месте.

В день казни тысячи людей пришли проститься со своим любимым героем.

Было это давно, но и сейчас имя Степана Разина у нас знают все. О его подвигах поют песни, рассказывают предания, его именем называют улицы. В Москве одна из улиц около Красной площади названа улицей Разина.

Рис. А. ЕЛИСЕЕВА,
М. СКОБЕЛЕВА

ПЯТЁРКИ

Э. МОШКОВСКАЯ

Вот если б мы сумели...
Вот если б мы имели
В большом-большом запасе
Пятёрки в нашем классе!

Но не идут пятёрки!
Одни свалились с горки,
Другие заблудились
И тоже не явились...

Какие-то
Уснули,
Другие
Утонули,
А третьи мимо нас
Прошли в соседний класс!

ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫЙ ЗНАК

А. ТЕТИВКИН

Ребята! В предложениях
Стою я для того,
Чтоб выделить **ВОЛНЕНИЕ,**
ТРЕВОГУ, ВОСХИЩЕНИЕ,
ПОБЕДУ, ТОРЖЕСТВО...
Не зря я от рождения
Противник тупицы.
Где я, те предложения
С особым выражением
Произносить должны!

ЗАГАДКА

Т. БЕЛОЗЁРОВ

Овечки белые в лесок
По озеру идут,
Но только ступят на песок —
Вздохнут
И упадут.

(Волны)

ОСЕНЬ

Тамара ВОЛЖИНА

Всё раздето вокруг:
Голый лес,
Голый луг...
Только солнышко
Бока
Завернуло
В облака.

АНДРЮША И ТОПОЛЁК

Виктор ЛАЗОВ

— Тополь,
Тополь,
Тополёк!
Кто тебе
Расти
Помог?

Тополёк
Сказал
В ответ:
— У меня
Секретов нет.
Вырос я
Быстрой,
Андрюшка,
В огороде
У плетня
Потому, что
За макушку
Тянет
Солнышко
Меня!

СЕКРЕТ

Феликс ЛЕВ

Вася сегодня всем во дворе объявил:

— А у меня секрет есть!

Петя даже мяч пропустил в ворота от удивления.

— Какой секрет?

— А самый настоящий, — говорит Вася, — не знаешь, что ли?

— Нет, — говорит, — не знаю...

— Вот и хорошо, что не знаешь. Какой же это секрет, если все будут знать!

Вася по двору ходит, а секрет никому не говорит. Важный стал. Наверно, боится секрет нечаянно выдать. Надулся, будто у него полный рот воды.

— Вася, Расскажи секрет!

А Вася молчит.

Все ходят за Васькой и про секрет думают. Интересный, наверно! Может быть, очень важный! Даже страшный, наверно! Никто, кроме Васьки, не знает.

А как узнать? Никак не узнаешь! Ведь если секрет рассказать — это уже не секрет получится.

«Вертолёт среди ледяных торосов». Рисунок Андрея КУПЦОВА, 8 лет, Москва. ▲

КОНКУРС «МУРЗИЛКИ»

ПОСВЯЩЕН 50-ЛЕТИЮ
ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

«В море». Рисунок Тани СОРОКИНОЙ, 10 лет, Тульская обл., пос. Новольвовск. ▲

«На стройке дома». Рисунок Иры ОЛЕЙНИКОВОЙ, 11 лет, Павлоград. ▶

«На Луне». Рисунок Саша ШАРОВА, 12 лет, Гомельская обл. дер. Корма. ▲

ЧЕРЕПАШЬИ ОСТРОВА

Ни селенья и ни пашни.
Солнце. Скалы. Синева.
Черепаши, черепаши,
Черепаши острова.

В воду тычутся носами,
Тихо дремлют на волнах,
Будто сами, будто сами
Превратились в черепах.

Под горячим солнцем бродят,
Не хлопчут, не спешат,
На песке своём выводят
Молодых черепашат.

Привезу черепашонка
Я из плавания домой,
Обогрею малышонка
В старом валенке зимой.

Заживёт в квартире нашей,
Не шумлив и не высок,
Черепаший, черепаший,
Черепаший островок.

СТИХИ О КАПИТАНЕ

Я кочую в океане
И пишу с луной вдвоём
Этот стих о капитане,
О товарище моём.

Был он юнгой, был матросом,
Знал — работай, не робей!
Шёл на север к эскимосам,
Кочегаром плыл в Бомбей.

Были штормы. Трюмы мокли.
Капитану ничего!
Только брызги на бинокле
Оседали у него.

Если б кто-то изловчился
Путь его смотать в клубок,
То, наверно б, получиллся
Небывалый колобок.

По нему б, наверх избегая,
Мчались львы, удивлены,
Закричали б попугаи,
Стадом двинулись слоны.

Эта б нить соединила
Все края, где плавал он,—
Берген, Токио, Манилу,
Лондон, Африку, Цейлон!

Стал мой друг давно бывалым,
Сделал много добрых дел,
Незаметно за штурвалом
Потучнел и поседел.

В Дарданеллах и Босфоре
Над кормой взлетает дым,
И седая нитка моря
Вьётся весело за ним.

Последняя Конка

Г. ОКСКИЙ

Рис. Е. МОНИНА

Если бы я сейчас увидел этот вагончик, то, вероятно, громко рассмеялся: так нелепо выглядел он, сколоченный из широких неровных досок, аляповато раскрашенный, на грубо сделанных колёсах, обильно смазанных дёгтем, с зелёной крышей, с жестяным петушком на ней...

А тогда, в детстве моём, этот вагончик конно-железной дороги казался нам, ребятам, чудесным, фантастически прекрасным экипажем. А лошади! Коротконогие, мощные, с косматыми гривами, украшенными бумажными розами! А наш любимец Никодим — хромоногий кучер конки, с золотой серьгой в толстой мочке большого уха, с весёлыми серыми глазами под колючками бровей!

Каждый из нас был твёрдо уверен в романтическом прошлом Никодима — да, он скитался по морям на пиратских шхунах, пил душистый

ром, зарывал клады на скалистых островах!

Мы не верили папам и мамам, утверждавшим, что Никодим — обыкновенный казак из обыкновенной станицы, уличённый в конокрадстве и искалеченный в драке. Хромоногий, он не мог заниматься другим трудом и стал кучером конки. Так говорили... Но мы-то знали, зачем взрослые скрывают его настоящую, тайную биографию — чтобы отдалить нас от него и от конки, за которой мы бегали, пытались покатаются на подножке. А что нам оставалось делать? Других развлечений в городе не было. Карусель и качели в большие ярмарочные дни — вот и всё. Иногда Никодим разрешал одному из нас вскочить на подножку и постоять рядом с ним от Сенной до Базарной площади.

Содержал конку владелец самых интересных предприятий города: ло-

дочной пристани, карусели, тира в общественном саду. Он всецело доверял Никодиму, получая от него раз в месяц заранее известную прибыль.

Пользовались конкой преимущественно люди пожилые, степенные. Молодёжь предпочитала ходить пешком. Если на ровном месте, бодро катаясь по рельсам, конка передвигалась быстрее пешехода, то при подъёме на самую малую горку её мог обогнать каждый. И часто какой-нибудь юнец, шагая вровень с конкой, кричал Никодиму:

— А ну-ка, догони, любезный!

Но он молчал, только брови топорщились сильнее. И, взмахивая кнутом, но не опуская его на крупы лошадей, обращался к своим приятельникам — рыжей и пегой кобылам:

— У болтунов одна дорога, а у нас другая. Пусть, сестрицы, бежит, а мы и не спеша людей доставим.

Нам нравилось дотрагиваться до подтишка до засаленного парчового кушака Никодима, до его кнута с костяной ручкой, до круглого кожаного сиденья. Всё это так не походило на привычное, домашнее и было связано с таинственной личностью предводителя пиратов, теперь правившего красивыми, сильными лошадьми. Они тащили целый вагон с двадцатью пассажирами, из которых один пузатый лавочник весил больше двух студентов, вместе взятых.

Весь наш городок уважал кучера конки. Многие рассказывали ему о своих семейных делах, советовались. Молчаливый, но доброжелательный Никодим обладал умением слушать. Сидел, бывало, в конку пожилая женщина, уместится рядом и начнёт долгий рассказ о своём житье-бытье. Никодим слушает внимательно, изредка в знак сочувствия покачивает головой — лишь золотая серьга поблёскивает. Наконец женщина

сходит с конки на тихом ходу, а он, слегка сдержав лошадей, бросает вслед:

— Не горюй, Пелагеюшка, всё умнётся-утраётся. — И шёлкнет кнутом. — А ну, сестрицы, веселее!

«Сестрицы» своих он холит, кормил отборным овсом. И нравилось нам помогать Никодиму: ведра с водой поднести, щётку поддать...

И так шло из года в год. Но вот приехал и остановился в гостинице господин Мюллер, высокий худощавый немец.

Сквозь стёклышки пенсне холодно поблёскивали голубые глазки. Он часто поглаживал свой острый, хорошо выбритый подбородок. Опираясь на серебряную ручку трости, Мюллер говорил:

— Ваш город имел много жителей. Конка есть смешной историй. Ви будет иметь быстрый трамвай!

Не прошло и трёх месяцев, как от Сенной до Базарной площади — по главной городской магистрали — пролегли новенькие рельсы. Но конка продолжала ходить. Рельсы её пришлось перенести почти к самому тротуару.

И вот настал день, когда по однопутной рельсовой дорожке пробежал первый трамвай — красивый просторный вагон, сверкавший свежей золотистой окраской, с настоящими большими окнами, с круглыми вагоновожатым, тоже немцем — в чёрной фуражке с серебряным кантом.

Мы, ребята, уже забыли о конке, о Никодиме — нас пленил этот великолепный трамвайный вагон, мчавшийся без лошадей по новеньким рельсам. Всё нас интересовало: и высокие трамвайные мачты, и мотор с целым пультом управления, и крепкие металлические колёса. На остановках (это тоже было интересно — появились остановки!) вагоновожа-

тый косился на нас, ребяташек, с открытыми ртами глазевших на трамвай, и шутливо грозил пальцем.

А Никодим? Мы даже не заметили, куда девался он сам, его лошади, вагончик конки...

Через год я встретил его, кучера последней конки. Гостил я у своей тётки, на окраине городка. Вышел как-то погулять и вижу, что к воротам подъезжает телега с бочкой, запряжённая рыжей кобылой. Рядом шагает человек... И в нём я сразу узнал Никодима. Он сильно постарел, но так же торчали теперь уже побелевшие пучки бровей, и поплёскивала всё та же золотая серьга...

Никодим узнал меня. Он улыбнулся и, поправляя дугу, сказал:

— Да, малец, стал я водовозом... Но зато «сестрицу» сохранил. А ту помнишь, пегую? Нет её, под Новый год пала.

И, помолчав минутку, привлёк меня к себе.

— А хочешь, я тебя покатаю? Солью воду и с пустой бочкой по улице как пуля!

Через несколько минут мы действительно мчались. Немилосердно грохотала по булыжной мостовой телега, подпрыгивала бочка, но я, сидевший на ней верхом, крепко держался за обручи.

Никодим, погонявший рыжую «сестрицу», обернулся ко мне и громко крикнул:

— Обгоним трамвай? А?

Окончание

ПОЛЯРНЫЙ КРУГ

Двадцать восьмого августа прошли мы остров Аграфены. Это Полярный круг. Говорят, когда-то в старину на этом острове жила колдунья Аграфена. Кто мимо острова шёл на пароходе или на лодке, задаривал Аграфену подарками, чтобы пропустила, не то ветер поднимется, затопит.

Мы, когда мимо острова Аграфены шли, бросили в Лену пробку от термоса. Термос у нас разбился, а пробка осталась. Аграфена, наверное, обиделась, потому что к вечеру подул северный ветер, поднялся шторм, и дикие гуси полетели на юг. Налим пошёл: и на удочке налим, и в сетях налим — значит, скоро зима, вода похолодала!

Но мы не растерялись, нашли тихую бухточку под горой, поставили палатку и стали костёр жечь, уху варить из налимов, да ещё попался нам таймень на перекатах килограммов на двадцать. Мы его распластали, подсолили, растянули на палочках и повесили на золотую осеннюю лиственницу вялиться.

Таймень на лиственнице крутится, как вертушка на ветру, а мы внизу сидим у костра, греемся да вокруг посматриваем.

На том берегу белки видны, блестят белые снега на горах — к шторму!

Если шторм через три дня не утихнет, утихнет через пять дней. А если через пять дней ветер не кончится, то через семь дней наверняка утихнет. Это якутская примета верная.

Главное для полярных путешественников — терпение.

Мы тайменя разметили на семь кусков и каждый день по куску балыка отрезали и ели.

Я подойду к лиственнице, отрежу кусок ножом и говорю Владимиру Дмитриевичу: «Первый день!»

Потом второй день и третий; а на седьмой день утром, когда один хвост вертелся, я ничего не сказал, потому что ветер не утих. Но уже вышло солнышко, вылетела из тайги оса, села на ольховый куст, за листочком, в заветрие, и на солнышке стала долго умываться. Усы несколько раз пропустила между передними лапками. Разгладила брюшко и полетела вдоль берега на другой куст. А к полудню ветер утих, мы подняли парус и пошли в Жиганск.

ДВА МАЛЬЧИКА

Пока мы сидели семь дней под Жиганском, вот какие приключения были: однажды ночью тревожно заревел где-то на середине Лены гудок, а вокруг темень, холод, волны об камни ухают. Мы переглянулись с Владимиром Дмитриевичем:

— Баржа на мель села? А может, тонут?

— Если бы пожар, пламя было видно.

От костра неохота уходить, да и как мы без мотора, под парусом, подойдём к барже?

А надо, надо идти и помогать, раз беда, — закон такой на воде и в тайге.

Пока в темноте лодку свою столкнули на воду, промокли и окопели, руки не слушаются. И тут гудки кончились, и потом огоньки топовые проплыли далеко в темноте: бортовой огонёк и на верхушке мачты. Значит, всё в порядке, просто на мель в шторм занесло, сами и снялись.

На другой день далеко под высоким берегом у самого прибои разглядел я две точки, побольше и поменьше. Посмотрел в бинокль: идёт мальчик-якут и с ним чёрная собака хромая.

Подшли к нам. За плечами у мальчика мешок с хлебом на верёвочных лямках.

Он из Жиганска на рыбачий стан отцу несёт хлеб. С первого сентября в шестой класс пойдёт. Собаку зовут Мальчик. Передняя лапа у неё перебита, ходит на трёх лапах. Стали пить чай, мальчик рассказал про собаку, что она хорошо ходила за соболем и на медведя, да попала передней лапой в лосиный капкан и стала калекой. Собаке семь лет.

— Она старая не очень, — сказал мальчик.

Но, видно, тяжело ей на охоте. Мальчик её бережёт. Собака умная, зверовая, зря хлеб не хочет есть. За зверем бежит на трёх лапах, да всё равно догнать не может, устаёт, задыхается.

До Жиганска по карте тридцать километров, мальчик с собакой прошли их за шесть часов. Мальчик говорит, что прошёл двенадцать километров. В Сибири «вёрсты не меряны». Спросишь у охотника: «До посёлка далеко?» — «Однако, рядом, десять километров!»

Уже знаете, — не меньше двадцати километров.

Стали о погоде говорить. Мальчик посмотрел на Лёну, пощупал у собаки нос.

— Нос сухой, скоро хорошая погода!

Попроцалась с нами, я ему помог мешок на плечи взвалить, и пошли вдоль берега мальчик с собакой Мальчиком. Оба настоящие таёжники.

ЖИГАНСК

Утром пошли мы осматривать посёлок Жиганск, небритые, в штормкостюмах. Здесь этому никто не удивляется, потому что живут в Жиганске рыбаки, геологи, охотники и лесорубы. Тайга подходит к самым домам, за последней избушкой ёлки растут, и ребята голубику с черникой собирают.

В посёлке тротуары деревянные, опилки, свежие, ещё смолы пахнущие, лежат около новых изб.

Девочка играет и поёт:

Пила, пила, лети, как стрела,
А ты, топор, сиди, как вор!

Потом псовное хозяйство смотрели: на ровном месте два ряда клеток, песцы в них сидят. Смотришь на них, они глаза свои жёлтые отворачивают — хитрые!

Ветер северный тучи нагнал, и закружились снежинки. Метель метёт, и где-то высоко гуси перекидаются отставшие, летят на юг. Ниже по Лёне шуга пошла, ледяные блыны.

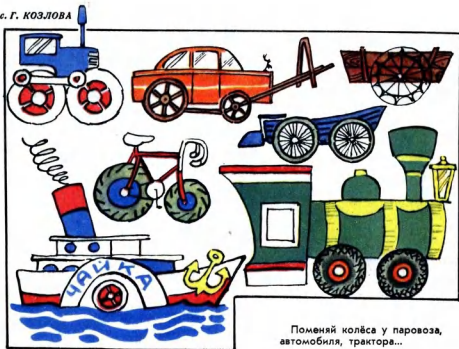
Ну вот скоро и конец нашему путешествию.

ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

Те из вас, кто пошёл в школу, наверно, уже успели подружиться с буквами. А кто ещё только пойдёт — как быть им? Неужели ждать целый год, чтобы узнать хоть что-нибудь про буквы и про азбуку? Конечно, нет!

Писательнице Ирине Токмаковой стало известно об удивительных приключениях, происходивших недавно с буквами. Она написала об этом повесть «Аля, Кляксич и буква «А». Мы начинаем эту повесть в декабрьском номере, её продолжение будет печататься в 1967 году.

Эту повесть надо не только читать. Попросите маму купить вам тетрадку в косую линейку и карандаш. Для чего? После узнаете!

ПОДУМАЙ, ОТГАДАЙ

Где куропатки?

Мальчик не знает, по какой тропинке идти к палатке. Помоги ему.

Рис. Е. МОННА

Закрась камешки с точками жёлтой краской — увидишь своего дружка.

Впиши в клеточки названия зверей и артистов.

Найди двух одинаковых прохожих.

На обложке рисунок Н. УСТИНОВА

Редактор А. МИТЧЕВ
 Редакционная коллегия: З. Александрова, С. Алексеев, А. Барто, Л. Воронкова, А. Ермолаев, Н. Емельянова, Е. Ершова (зам. редактора), Ю. Казаков, М. Коршунов, Ю. Коринец, Ю. Нагибин, К. Орлова (ответственный секретарь), Е. Рачва, В. Чикинов.
 Художественный редактор Ю. Мелюханов. Технический редактор В. Лубина
 Год издания сорок второй. Цена 10 коп. Подп. и печ. 7/IX 1956 г. Бумага 84x108 1/2.
 Печ. л. 2 (3,36). Уч.-изд. л. 4. Тираж 4 700 000 экз. Заказ 1641.
 Адрес редакции и типографии «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия».
 Москва, А-30, Сушчëвская, 21. Телефон Д-0-45-08.

МУРЗИЛКА И ПЕТЯ СИНИЧКИН

Рис. Ю. ФЕДОРОВА

Я пришёл к Пете Синичкину, когда он садился за уроки.

— Трудная вещь — арифметика, — говорит он.

— А если применить технику? Арифмометр, например?

...Сиди в классе и считай!

— Или даже вычислительную машину!

— А если к доске вызовут?

— Можно привязать приёмник к уху, будто зубы болят...

...А я тебе по радио буду подсказывать.

— Или взять магнитофон!

— Записал урок...

...Положил магнитофон за пазуху...

...и можно отвечать любые уроки!

— Уроки! — вдруг воскликнул Петя. — Когда же я их буду делать?

— И то верно, — говорю я. — Выучи уроки — тогда и мечтай!